

Командующий Цао выплюнул пустую слюну:

— Чёрт возьми! Ты берёшь моих солдат для убийств и поджогов, а мне даже спросить нельзя!

Чэн Фэнтай поспешно засмеялся:

— Какие убийства и поджоги! Зачем мне это? Я просто хочу создать впечатление. — Он пододвинул тарелку с фруктами к Командующему Цао:

— Шурин, они очень сладкие.

Командующий Цао махнул рукой, отгоняя его:

— Пошёл вон! Ешь сам!

Чэн Фэнтай снова забрал тарелку и продолжил наслаждаться.

Для человека его возраста и положения Командующий Цао видел таких, как Чэн Фэнтай, много раз и понимал, что, скорее всего, это связано с каким-то соперничеством или ревностью из-за танцовщицы. Чэн Фэнтай был человеком с опытом и знал меру, поэтому в его способности не переходить границы можно было быть уверенным. Видя, как он сидит, курит сигареты, ест фрукты, с расстёгнутым галстуком и рукавами, Командующий Цао действительно чувствовал, что это его сын, и это вызывало у него смешанные чувства злости и радости. Поэтому, с одной стороны, он ругался, а с другой — позволял ему всё. Между ними была разница всего в десяток лет.

— Ладно, дам тебе двадцать человек! Но если ты устроишь беспорядок, я тебя пристрелю!

Третьего числа двенадцатого месяца наступил благоприятный день, подходящий для свадеб, жертвоприношений и открытия новых дел. Терем Водных Облаков, как главная группа новой пьесы, выбрал удачный час утром, и Шан Сижуй вместе с Малышом Чжоу и другими актёрами торжественно вознёс благовония Патриарху-основателю. Церемония проходила во дворе Дома Шанов, где был установлен простой алтарь с фруктами и подношениями, но все присутствующие были необычайно серьёзны. Даже Ду Ци, в атмосфере, наполненной дымом благовоний, также с достоинством поклонился Патриарху-основателю.

Юй Цин невольно посмотрела на Ду Ци с лёгким удивлением и одобрением. Будучи выходцем из чиновничьей семьи, Ду Ци, как и многие другие молодые аристократы, проводил время с актёрами и танцовщицами, что считалось обычным делом. Однако этот поклон имел почти ритуальное значение, символизируя посвящение себя театральному миру. Она понимала, какое осуждение это вызовет среди старших в их семье, и кивнула про себя. Затем она посмотрела на Шан Сижую, одетого в длинную традиционную одежду, с лицом белым, как нефрит, и стройной фигурой, стоящего прямо, излучающего невероятную энергию. На этот раз он не заставил себя ждать с возжиганием благовоний, и его лицо выражало спокойствие и торжественность, что говорило о его положении как главы труппы. Однако, завершив церемонию, Шан Сижуй отряхнул одежду, повернулся к остальным и с лёгкой улыбкой сказал:

— Ну, увидимся вечером в театре, господа.

Актёры стояли в замешательстве, ожидая, что перед началом пьесы будут какие-то важные указания, но Шан Сижуй, казалось, был готов ко всему. Они понимали, что эта грандиозная постановка была для них огромным риском. Если она провалится или кассовые сборы окажутся недостаточными, это затруднит постановку новых пьес в будущем.

Юй Цин, видя их беспокойство, улыбнулась и сказала:

— Может, несколько звёзд сцены пойдут со мной в Гильдию актёров, чтобы ещё раз пробежаться по сценам? Там и до театра ближе.

Все согласились, и Ду Ци пошёл с ними. Он был уверен в Шан Сижуне и не нуждался в контроле, только сказал ему:

— После обеда не спи слишком долго, а то лицо опухнет, вечером грим плохо ляжет.

Шан Сижуй кивнул. Когда все ушли, во дворе стало тихо. Он зашёл внутрь, нашёл пластинку Хоу Юйкуя, поставил её на граммофон, увеличил громкость, затем вынес стул во двор и сел греться на солнце, слушая пьесу и наблюдая, как Сяо Лай убирает подношения с алтаря.

Малыш Чжоу стоял там с самого начала, не зная, что делать. Сегодня ему предстояло впервые выйти на сцену в качестве разогрева перед новой пьесой Шан Сижуня, и, как говорили, зал был полностью заполнен. По сравнению с его предыдущими выступлениями это было нечто серьёзное. Шан Сижуй не раз говорил ему, что актёр либо сразу становится знаменитым, либо остаётся никем, и что успех не приходит с возрастом. Похоже, если он не произведёт впечатления в этом выступлении, Шан Сижуй, вероятно, откажется от него. Мысль об этом вызывала у Малыша Чжоу страх, сердце билось чаще, а руки и ноги холодели. Шан Сижуй был его спасителем, единственной надеждой, и он чувствовал, что его жизнь стала ясной и перспективной только после встречи с ним. Без Шан Сижуня, в руках Сы Си'эра, он бы никогда не добился успеха.

Сяо Лай, закончив уборку, заварила чай Билочунь и, держа чайник в полотенце, поднесла его Шан Сижуню. Затем, увидев, что Малыш Чжоу всё ещё стоит на месте, слегка толкнула его:

— Вечером уже выступать, а ты всё ещё мечтаешь?

Малыш Чжоу поспешно ответил:

— А, сейчас пойду тренировать голос.

Он сделал несколько шагов, но Шан Сижуй остановил его:

— Ты же уже тренировал голос утром? Зачем ещё?

— Перед выступлением хочу ещё раз попрактиковаться.

Шан Сижуй махнул рукой, отхлебнул из чайника и, словно старик, сказал:

— До выступления осталось совсем немного, а ты ещё хочешь напрягать голос? Если сейчас перетренируешься, вечером не хватит дыхания. — Он подумал:

— Максимум разомни руки и ноги, чтобы лучше выполнить сложные движения. Эта пьеса требует силы!

Малыш Чжоу кивнул и отправился на тренировку, сосредоточенно растягиваясь на пустом участке. Шан Сижуй время от времени бросал на него взгляд, иногда давая советы, и спросил:

— Как тебе пение Хоу Юйкуя?

Малыш Чжоу, растягиваясь в шпагате, с трудом ответил:

— Если Шан-лаобань нравится, значит, оно хорошее...

Шан Сижуй покачал головой:

— На самом деле он не так хорош, как мой учитель. — Он сделал паузу:

— Моего учителя звали Шан Цзюйчжэнь. Когда он выступал в столице, твой учитель Сы Си'эр ещё не был знаменит. Говорят, они играли вместе. Твой учитель когда-нибудь рассказывал о нём?

Сы Си'эр обычно только ругал и бил Малыша Чжоу, поэтому тот покачал головой, и Шан Сижуй больше не стал говорить на эту тему.

Закончив слушать свою коллекцию пластинок, Шан Сижуй увидел, что Сяо Лай уже приготовила обед, и тут дверь скрипнула. Это был Старина Гэ, который открыл дверь Чэн Фэнтаю. Тот был одет в светло-бежевый костюм, чёрное пальто, носил тёмные очки и опирался на трость, входя с большим апломбом. Гэ поклонился и сказал:

— Второй Господин, отдохните здесь у Шан-лаобана. Я позабочусь о вечерних делах и зайду позже, чтобы забрать вас.

Чэн Фэнтай кивнул. Гэ снял шляпу, прижал её к груди, поклонился Шан Сижую и ушёл.

Чэн Фэнтай сначала увидел, как Сяо Лай накрывает на стол в саду, и сказал:

— В такую холодную погоду Шан-лаобан всё ещё ест на улице?

Затем он заметил, как Шан Сижуй с улыбкой разглядывает его, и спросил:

— Что? Ты что, на меня пялишься?

Шан Сижуй покачал головой:

— В этом костюме, с круглыми очками и тростью, вы напоминаете мне нашего императора.

Сяо Лай, которая когда-то ездила с Шан Сижую в Тяньцзинь для выступления перед императором, быстро взглянула на Чэн Фэнтая. Действительно, он был похож, но внешне и по манерам они были совершенно разными. Малыш Чжоу, только слышавший от Сы Си'эра о выступлениях перед императором и императрицей, с завистью смотрел на него, продолжая тренироваться.

Чэн Фэнтай развёл руки в стороны, демонстрируя себя:

— На Пу И? Это Пу И похож на меня!

<http://bllate.org/book/15435/1368618>